

на санях, запряженных лошадами, и прочие масленичные развлечения. Было очень весело и здорово. Над уличей еще довольно долго и после праздника висели неубранные растапки с народными изречениями, как-то: «Баба с возу – кобыле легче», или еще «Девкой меньше – бабой больше».

Первомайские и ноябрьские демонстрации проходили сначала перед трибуной, сооруженной перед Институтом геологии, а когда выстроили Дом ученых, то трибуну стали сооружать уже перед ним. Ну, там всё по единому советскому образу. Шествия эти, хоть и по объявлению, не проходили достаточно весело. Все же возможность потусоваться в шумной праздной толпе с шариками и флагами, попеть песни, покричать «ура!», не особо вникая, кому или чему именно ура.

Зимой популярны были лыжи. Не имеющие собственных ботики брали их опять же напрокат на Детском проезде, 3. Пользовался популярностью каток на Детском, а также в микрорайоне «Д», около «Юности».

Летом ходили в походы, компаниями. Сложно было занять-раздобыть палатку, спальник, поэтому одаживали у тех, кто это приобрел в Москве, Ленинграде, Прибалтике. На лодочной станции, что правее центрального пляжа, можно было взять напрокат лодку-шопку с веслами и спасилетами: отправлялись на о. Тайвань, на Берд, на Коён – в общем, куда подальше. Иногда к вечеру выходного дня после приличного штормика по морю к лодочной станции шел буксир с далеко протянувшейся следом шеренгой лодок, потерпевших крушение – это была операция по спасению плавсредств и доставка на место постоянной швартовки. Незадачливые путешественники добирались своим ходом посуху.

В походах – купание, загорание, костры, песни. Конечно, портвейн. Еда – как правило, тушенка с лапшой. Кое-кто полюбил эту незатейливую еду навсегда – ностальгия. Шашлыки не практиковались, вероятно, из-за постоянного дефицита мяса.

В начале лета все полянки и обочины лесных дорожек были оранжевыми от цветущих «огоньков». Их тащили домой охапками, даже из города приезжали за такой красотой, весьма недолговечной, кстати, в сорванном виде. Через несколько лет «огоньки» чуть не исчезли совсем. Местные власти спохватились и запретили под угрозой штрафа рвать их вообще, восстанавливались они много-много лет, но и нынче их количество не идет даже в близкое сравнение с тогдашним.

Помню, можно было спокойно лежать в траве, отдыхать, читать, загорать, спать, не тревожась. Такое понятие, как «энцефалитный клещ», пришло попозже. Что касалось до насекомых, отравляющих жизнь человечеству, то самыми серьезными врагами местного населения были тучи комаров, сменявшихся в июле мошкой, а затем слепнями. В тот период о репеллентах толком и не слыхали, посему это была проблема. Боролись кто как. В начале сезона по основным магистралям Города проезжала спецмашина, которая сплошным облаком распыляла дуст или какую-то другую вонючую гадость, жутко вредную, в первую очередь для людей. Насекомые как-то не очень пугались. Позже эту борьбу с кусачими насекомыми отменили.

Ну, а клещи – это уже новейшая история.

Прина Федосеева

Фото из открытых источников

Новый творческий проект, объединивший солистов новосибирской оперы, выпускников Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки и Новосибирского музыкального колледжа им. А. Ф. Мурова, состоялся 28 января в Большом зале Дома ученых.

Опера Николая Римского-Корсакова «Кашей Бессмертной» при ее небольшой продолжительности (один акт в трех картинах без антракта) захватывает зрителя динамичностью сюжета и выразительностью музыкальных средств. «Кашея» сам композитор называл «осенней сказочкой», в противоположность другой своей известной опере «Снегурочке» – сказке «весенней». Опираясь на мотивы русского фольклора, Римский-Корсаков создает собственную историю, где мраку и безысходности кашеева царства противопоставляется свет любви, верности и сострадания.

На сцене ДУ это многогранное произведение воплотили лауреаты международных и Всероссийских конкурсов. Партию фортепиано исполнила концертмейстер по классу вокала, лауреат международных премий Мария Головачева.

Характеры персонажей ярко отражаются в музыке Римского-Корсакова. Мелодичная тема Царевны (Анжелика Галанова) контрастирует с резкими, словно металлические интонациями Кашея (Захар

Ведерников), с воинственным и то же время обольстительным пением Кашеевны (Марина Белая). Певучесть, близкая к народной, раскрывает образ влюбленного Царевича (Максим Головачев); скрытой силой, символизирующей стихию, наполнены сцены Бури-Богатыря (Никита Мухин).

Не все герои оперы однозначны. Если сам Кашей – олицетворение зла, губящего все живое, а Царевна и Царевич – пример любви, способной победить любую беду, то дочь заглавного героя Кашеевна – пограничный персонаж. Погубившая своей красотой многих витязей, желающих найти смерть Кашея, девушка при встрече с Царевичем впервые узнает, что такое теплота настоящих человеческих чувств. Растроганная милосердием Царевны, Кашеевна плачет: чистые,

искренние слезы превращают ее в иву, а Кашею приносят гибель. Так в мире «осенней» сказки снова возникает гармония, построенная на хрупкой грани жизни и смерти, света и тьмы.

«Кашей» – не первый экспериментальный проект: в сентябре

задействованные и в «Кашее» Режиссером в этот раз выступил Марк Герасенко, лауреат Всероссийских фестивалей. Судя по зрительскому интересу и востребованности покупки билетов по Пушкинской карте, оперные спектакли в Доме ученых будут продолжать набирать

Кашей Бессмертный на сцене Дома ученых

прошлого года в Доме ученых была поставлена опера «Евгений Онегин», над которой работал тот же хормейстер, Алексей Бабушкин, а в главных ролях выступили артисты,

популярность. А значит, будут и новые постановки, на которые здесь всегда ждут друзей!

Мария Фелозова

КНИЖНАЯ ПОЛКА. АВТОРСКАЯ РУБРИКА НАТАЛЬИ ТРЕГУБ

«Есть что-то символичное, что Софи вместе с архивом Эль Лисицкого оказалась именно в Новосибирске. Жена конструктивиста – в городе, застроенном зданиями, возведенными в стиле конструктивизма» (Сергей Самойленко)

временников. В это же время молодая пара начала собирать свою коллекцию работ художников, таких как Пауль Клее или Василий Кандинский. «Импровизацию

Софи занималась устройством выставок и продвижением художников, чьи работы пока не получили признания. Вскоре произошла знаковая встреча, предопределив-

жал в Союз с твердой верой в великое строительство, а Софи, как многие немецкие интеллектуалы того времени, твердо верила в грядущую победу социализма.

Уезжая за своим другом в Москву, Софи полагала, что скоро вернется, заберет мальчишек и они заживут в новой стране счастливой жизнью, принося пользу новому миру. Обернулось же это всё долгим и трагическим расставанием с детьми, рождением сына в России, смертью Лисицкого в начале 1941 года, высылкой Софи в Сибирь с ребенком. Долгая жизнь в Новосибирске на улице 25 лет Октября и могильный камень на Завельдовском кладбище. Скажете – печально? Да, но Софи никогда не считала свою высылку в Сибирь несправедливой мерой, больше всего её печалило забвение Лисицкого в России и разлука с сыновьями. А еще – утрата дорогой коллекции в Германии. Недолгий визит на родину после отмены ссылки вызвал у Софи лишь желание быстрее вернуться назад, домой. В Сибирь, где самой большой мукой в повседневной жизни была для неё долгая зима...

Детективная часть истории коллекции семьи Кюпперс-Лисицких не окончена. Поиски утраченных сокровищ продолжаются и по сегодняшний день. А книга о Софи, удивительной женщине, которая обрела семью и друзей в Новосибирске, ждет своих читателей.

Наталья Трегуб,
зав. библиотекой НДУ

Сибирская зима Софи Лисицкой-Кюпперс

История жизни Софи Лисицкой-Кюпперс в книге Ингеборг Приор, немецкой журналистки из Кельна, «Завещание Софи. От Ганновера до Сибири». Книгу в подарок мы получили от человека, знавшего Софи, историю её семьи, непростых отношений с родственниками по обе стороны границы и проблемы с творческим наследием двух художников.

Софи Шнайдер, родившаяся в 1891 году в мюнхенской буржуазной семье, была талантливой художницей и отношение к искусству имела самое прямое: изучала историю искусства в Мюнхене. Тогда в художественной среде девушки-студентки были редкостью. «На курсе у нас были только две девушки, – вспоминала Софи. – Позднее моя сокурсница вышла замуж за нашего преподавателя, я же познакомилась с Паулем Эрихом Кюпперсом...». Двое молодых людей, страстно увлеченных искусством, познакомились в университетской библиотеке. Общие интересы их сплотили, они же давали постоянный материал для дискуссий, сводили с интересными людьми. Все, что знал в ту пору Софи и Пауля Эриха, признавали, что они были необыкновенно счастливой парой. Талант молодых людей заключался еще и в том, что они оба обладали безошибочным чутьем на то, какое место потомки отдадут работам со-

№ 10», картину Кандинского, положившую начало абстрактному направлению в живописи. Софи купила 15 октября 1919 года в берлинской галерее «Штурм» за три тысячи марок. Позднее Софи называла эту картину важнейшей в их с Паулем коллекции. Но тогда даже самые тонкие ценители искусства не могли представить, что когда-нибудь работы Кандинского будут стоить миллионы долларов. А пока счастливое время – время общения единомышленников. Несмотря на сложности послевоенного времени, «дом Кюпперсов был открыт для художников, поэтов, журналистов, коллекционеров, искусствоведов и просто друзей современного искусства». Пауль Эрих в это время работает над своей книгой о кубизме – новом течении в искусстве. Брак, Пикассо, Леже и другие художники должны были войти в эту книгу.

Многим планам Пауля Эриха и Софи помешала эпидемия инфлюэнцы, позже названной «испанкой», и унесшей миллионы жизней. Организм Кюпперса, ранее перенесшего туберкулез, не смог преодолеть воспаление легких, и 7 января 1922 года Софи осталась вдовой с двумя мальчиками на руках. В это тяжелейшее для неё время Софи не осталась одна. Люди искусства объединились вокруг продолжавшей работу Общества Кестнера,

шая всю дальнейшую судьбу Софи Кюпперс.

На Первой русской художественной выставке в Берлине Софи купила понравившуюся ей акварель Эль Лисицкого. Лисицкий был первым представителем русского авангарда, которого узнала Софи, его работами она восхищалась задолго до реальной встречи с художником. Эрленбург с Лисицким издавали в то время просоветский журнал «Вещь», выходивший на русском, французском и немецком языках. Журнал должен был содействовать сближению культур Советского Союза и Европы. Имена авторов журнала впечатляют: Чарли Чаплин, Ле Корбюзье, Фернан Леже, Казимир Малевич, Борис Пастернак – это и был круг общения тогдашнего периода жизни Лисицкого.

Дружба Лисицкого с маленькой семьей Софи. Отношения, переросшие постепенно в сильные чувства. Надо, однако, помнить, что время на дворе – 1925 год. Швейцария, где Лисицкий проходил лечение от туберкулеза (опять этот бич времени!), советских документов не признаёт и отказывает в продлении визы художнику. Расставание было тяжелым. Мальчишки Кюпперсы были искренне привязаны к Лиси, и он отвечал им любовью и заботой. Это была первая по-настоящему любящая его семья. Лисицкий уез-